

* * *

Покуда завораживаешь ты
Своим напевом горьким, Киммерия,
Бессмертен свет, сходящий с высоты
На эти сны о воле неземные,
На этот сад, где, к тополю склоняясь,
Тоскует сень сквозная тамариска
О том, что есть неназванная связь
Примет и слов, — невысказанность близко,
Чуть ближе взгляда, — ветром шелестит,
С дождем шумит, якшается с листвою,
То веткою маслячною хрустит,
А то поет над самой головою,
О том поет, что нечего искать
Вот в этой глуби, выси и просторе,
Поет о том, что сызнава плескать
Волною в берег так же будет море,
Как некогда, — как, может, и тогда,
Когда потомкам что-нибудь откроет
Вот эта истомленная гряда,
В которой день гнездовье не устроит, —
И вся-то суть лишь в том, чтоб находить
Все то, что сердцу помнится веками, —
И с этой ношей по миру бродить,
Рассеяннo следя за облаками.

* * *

День ли прожит и осень близка
Или гаснут небесные дали,
Но тревожат меня облака —
Вы таких облаков не видали.

Ветер с юга едва ощутим —
И, опущены кем-то бродяжить,
Ждут и смотрят: не мы ль защитим,
Приютить их сумев и уважить.

Нет ни сил, чтобы их удержать,
Ни надежды, что снова увидишь, —
Потому и легко провожать —
Отрешенья ничем не обидишь.

Вот, испарины легче на лбу,
Проплывают они чередою —
Не лежать им, воздушным, в гробу,
Не склоняться, как нам, над водою.

Не вместить в похоронном челне
Все роскошество их очертаний —
Надышаться бы ими вполне,
А потом не искать испытаний.

Но трагичней, чем призрачный вес
Облаков, не затмивших сознания,
Эта мнимая бедность небес,
Поразивших красой мироздания.

* * *

Тирсы Вахвовых спутников помню и я,
Все в плюще и листве виноградной, —
Прозревал я их там, где встречались друзья
В толчее коктебельской отрадной.

Что житуха нескладная — ладно, потом,
На досуге авось разберемся,
Вывих духа тугим перевяжем жгутом,
Помолчим или вдруг рассмеемся.

Это позже — рассеемся по миру вдрызг,
Позабудем обиды и дружбы,
На соленом ветру, среди хлещущих брызг,
Отстоим свои долгие службы.

Это позже — то смерти пойдут косяком,
То увечья, а то и забвенье,
Это позже — эпоха сухим костяком
Потеснит и смутит вдохновенье.

А пока что — нам выпала радость одна,
Небывалое выдалось лето, —
Пьем до дна мы — и музыка наша хмельна
Там, где песенка общая спета.

И не чуем, что рядом — печали гуртом,
И не видим, хоть, вроде, пытливы,
Как отчетливо все, что случится потом,
Отражает зеркало залива.

* * *

Смущаться посвященным не впервой —
И вот уже багрянцем торопливым
По склонам всей гряды береговой,
По выступам, по скалам над заливом
Сквозит октябрь — и, высветясь за ним,
Уже сутулясь там, за перевалом,
Встает, упрямясь, призрак новых зим
С их опытом и холодом немалым.

Теперь мы ничего не говорим
О том, что летом, скомканным бесчасьем,
Лишь отсвет был нам нехотя дарим
Того, что встарь захлестывало счастьем, —
И вслед за ним, с полуденным теплом,
С дождем вечерним, с ветром полуночным,
Угадывался времени разлом,
Где связям вряд ли выстоять непрочным.

Нет никого, кто понял бы, зачем
Весь этот ужас, истово зовущий,
В пространство уводящий насовсем,
Хрипящий — но хранящий и поющий,
Довлеющий над нами потому,
Что слишком уж беспечными бывали
Слова, которым знаться ни к чему
С тем сном, который выразим едва ли.

* * *

Неспешные такты мурлыча,
В погоду врастаешь тайком,
Как будто бы чуя добычу,
Доволен любым пустяком.

Пускай это луч над горою,
Пробиться успевший сюда,
Где все, что пригодно для строя,
Со мною уже навсегда.

Пускай это бред звукоряда
В потемках октябрьской воды —
Но лучшего мне и не надо,
И я заметаю следы.

И кто я? — попробуй проведай!
Добытчик того, что во мне,
За дружеской редкой беседой
Я вечно от всех в стороне.

И вам не дано догадаться,
Пока еще почва жива,
Куда вам вовек не добраться —
Откуда берутся слова.

Так будь же великою, тайна,
Томись на виду меж людей!
А ты, заглянувший случайно,
Державинских жди лебедей.

* * *

Шумит над вами желтая листва,
Друзья мои, — и порознь вы, и вместе,
А все-таки достаточно родства
И таинства — для горести и чести.

И празднества старинного черты,
Где радости нам выпало так много,
С годами точно светом налиты,
И верю я, что это вот — от Бога.

Пред утренним туманом этажи
Нам брезжили в застойные години, —
Кто пил, как мы? — попробуй завяжи,
Когда не все ли, в общем-то, едино!

Кто выжил — цел, — но сколько вас в земле,
Друзья мои, — и с кем ни говорю я,
О вас — в толпе, в хандре, навеселе,
В беспамятстве оставленных — горюю.

И ветер налетающий, застыв,
Приветствую пред осенью свинцовой,
Немотствующий выстрадав мотив
Из лучших дней, приправленных перцовой.

Отшельничать мне, други, не впервой —
Впотьмах полынь в руках переминаю.
Седеющей качая головой,
Чтоб разом не сгустилась мгла ночная.

* * *

Этот жар, не угасший в крови,
Эта ржавь лихолетья и смуты —
Наша жизнь, — и к себе призови
Всё, что с нею в родстве почему-то.

Соучастье — немалая честь,
Состраданье — нечастое чувство,
И когда соберемся — Бог весть! —
На осколках и свалках искусства?

То, что свято, останется жить,
Станет мифом, обиженно глядя
На потомков, чтоб впредь дорожить
Всем, что пройдено чаянья ради.

Будет перечень стыть именной
На ветрах неразумных эпохи,
Где от нашей кручины земной
Дорогие останутся вздохи,

Где от нашей любви и беды,
От великой печали и силы
Только в небе найдутся следы,
Если прошлое все-таки было,

Если это не сон, не упрек
Поколениям иным и народам,
Если труд наш — отнюдь не оброк
Под извечно родным небосводом.

* * *

Багровый, неистовый жар,
Прощальный костер отрешенья
От зол небывалых, от чар,
Дарованных нам в утешенье,
Не круг, но расплавленный шар,
Безумное солнцестоянье,
Воскресший из пламени дар,
Не гаснущий свет расставанья.

Так что же мне делать, скажи,
С душою, с избытком горенья,
Покуда смутны рубежи,
И листья — во влажном струенье?
На память ли узел вяжи,
Сощурясь в отважном сиянье,
Бреди ль от межи до межи,
Но дальше — уже покаянье.

Так что же мне, брат, совершить
Во славу, скорей — во спасенье,
Эпох, где нельзя не грешить,
Где выжить — сплошное везенье,

Где дух не дано заглушить
Властям, чей удел — угасанье,
Где нечего прах ворошить,
Светил ощущая касанье?

* * *

Там светло от лампы полусонной,
С непривычки режущей зрачки,
Позабывтой в гуще невесомой,
Чтобы сад заполнили сверчки.

Там темнот разбросана проказа —
И следит без отзвуков мольбы
Хризопраз прищуренного глаза
За капризом странницы-судьбы.

Там на хорах, эхом наделенных,
Отоспаться птахам не дано,
Потому что в шорохах зеленых
Им, пернатым, счастье суждено.

Позади оставлено былое,
Впереди забрезжило еще,
Точно полночь вязкою смолою
Пропитала зябкое плечо.

В полумгле, расплеснутой угрюмо,
Окажусь — и, словно сам не свой,
Удивлюсь египетскому Хнуму,
Человеку с козьей головой.

Ты откуда взялся издалече,
Не истлевший образ божества?
Без тебя в заоблачье не легче,
А в заречье грезишься едва.

Ты ответь, запутаннее листьев,
Отчего, как руки ни тяни,
Бьется сердце, горести исчислив,
И ненастье прячется в тени.

Ты открой папирусов сиротство
Над иссохшей схемою пустынь —
И, вкусив напиток превосходства,
В безысходной скорби не покинь.

И поверь, что в муках окаянных,
Где источник страсти не затих,

Будет запах лилий безымянных
Средоточьем таинств золотых.

И скажи мне — что такое слава —
И дождешься ль в мире похвалы,
Если ветер жестом костоправа
Выпрямляет гибкие стволы?

Слышен хруст пред осенью, спешащей
На поруки искреннее взять,
Пронизавшей тропкою шуршащей
Голубого лада благодать.

Там тепло — на то и полыханье
В деревьях, растущих у дорог,
Там светло — на то и осыпанье,
Чтобы свет дыханию помог.

* * *

Вот и вышло — ушла эпоха
Тополиного пуха ночью,
В час, когда на вершок от вздоха
Дышит легкое узорочье.

Над столицей сень сквозная
Виснет маревом шелестящим —
И, тревожась, я сам не знаю,
Где мы — в прошлом иль в настоящем?

Может, в будущем возвратятся
Эти шорохи и касанье
Ко всему, к чему обратятся,
Невесомое нависанье.

Сеть ажурная, кружевная,
Что ты выловишь в мире этом,
Если дружишь ты, неземная,
В давней темени с белым светом?

Вспышка редкая сигаретки,
Да прохожего шаг нетвердый,
Да усмешка окна сквозь ветки,
Да бездомницы выбор гордый.

Хмель поыветрит на рассвете
Век — железный ли, жестяной ли,
Где-то буквами на газете
Люди сгрудятся — не за мной ли?

Смотрит букую сад усталый,
Особняк промелькнет ампирный, —
Пух сквозь время летит, пожалуй,
Повсеместный летит, всемирный.

Вот и кончились приключения,
Ключик выпал, — теперь не к спеху
Вспоминать, — но влечет мученье —
Тополиного пуха эхо.

* * *

Страны разрушенной смятенные сыны,
Зачем вы стонете ночами,
Томимы призраками смутными войны,
С недогоревшими свечами
Уже входящие в немыслимый провал,
В такую бездну роковую,
Где чудом выживший, по счастью, не бывал, —
А ныне, в пору грозовую,
Она заманивает вас к себе, зовет
Нутром распахнутым, предвестием обманном
Приюта странного, где спящий проплывет
В челне отринутом по заводям туманным —
И нет ни встреч ему, ни редких огоньков,
Ни плеска легкого под веслами тугими
Волны, направившейся к берегу, — таков
Сей путь, где вряд ли спросят имя,
Окликнут нехотя, устало приведут
К давно желанному ночлегу,
К теплу неловкому, — кого, скажите, ждут
Там, где раздолье только снегу,
Где только холоду бродить не привыкать
Да пустоту ловить рыбацкой рваной сетью,
Где на руинах лиху потакать
Негоже уходящему столетью?